
Катерина МакБелл
Попаданка
Всё включено
18+

Катерина МакБелл

Попаданка. Всё включено

https://litres.ru/74860572
SelfPub; 2026

Аннотация

Главная героиня попадает в другой мир, в котором идет численный перевес мужского пола. Когда она попала туда, она наткнулась на дом, где обнаружила двух маленьких мальчиков. Оказывается, их мать ушла от них к новым мужьям. Тогда главная героиня решает остаться с ними, но местная банда разбойников узнала, что в доме теперь живет одна женщина и решают, что она окажется легкой добычей. Главной героине удалось отбиться, но выбора у нее больше не оставалось. Она пошла на базар, где женщины могли выбрать мужчин для семьи или для работы. Вот только подписала она не тот контракт и теперь вместо работников у неё три мужа, но узнает она об этом чуть позже.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Катерина МакБелл
Попаданка. Всё включено

Глава 1

В субботу я пошла за грибами. Не потому, что люблю тишину и лес, а потому, что в холодильнике кончилась картошка, а до зарплаты оставалось шесть дней. Грибы в сентябре растут бесплатно, и это был мой единственный план на выходные.

Корзина, термос, сапоги, старый дождевик в багажнике. Я оставила машину у поворота на дачи, прошла через поле и вошла в лес, где в прошлом году набрала половину багажника подберёзовиков. Лес был мокрый после ночного дождя, листва липла к подошвам, пахло прелыми листьями и мокрой корой. Первые полчаса я шла и собирала: опёнок, ещё опёнок, крепкий подберёзовик с тёмной шляпкой, две лисички, которые я всё равно взяла, потому что жалко.

Туман я заметила, когда он уже стоял между стволами. Сначала полоса в низине, белая и неподвижная, будто кто-то разлил молоко и оно не растеклось. Я подумала, что там, за ней, должна быть грибная ложбина, и пошла вперёд. Туман сомкнулся быстро. Через десять шагов я перестала видеть свои сапоги, через двадцать не видела, куда ставить но-

гу. Стало холодно и очень тихо. Не так, как бывает в лесу, когда просто нет ветра, а совсем: ни птиц, ни скрипа, ни капель. Я слышала, как дышу, и как шуршит дождевик, и как где-то далеко, будто из-под земли, гудит что-то большое.

Я шла на этот гул, потому что идти хоть куда-то лучше, чем стоять. Минут через пять туман отпустил так же внезапно.

Первое, что я увидела, было солнце. Оно висело над деревьями, огромное, оранжевое и света от него было ровно столько, сколько бывает в конце августа часам к семи. Я достала телефон. Одиннадцать сорок. Сети не было вовсе, даже цифры оператора не высвечивались.

Я стояла на той же поляне, но грибов на ней не было. Точнее, они были, только не те: крупные, синеватые, с толстыми ножками, будто из воска, и я такие никогда не видела. Деревья тоже оказались почти знакомыми, берёзы и осины, но кора на берёзах была темнее, а листва держалась крепче, будто осень сюда ещё не дошла.

Сначала я решила, что заблудилась. Бывает: зашла в туман, потеряла ориентир, вышла с другой стороны. Идти пришлось долго, перелезая через поваленные стволы и обходя болото. Ни одного следа, ни одной бутылки, ни одного пакета. За всю дорогу мне попался только ржавый гвоздь в пне, и я обрадовалась ему, как родному.

Дорогу я нашла к третьему часу. Колея, две полосы, накатанные до блеска, между ними трава. По такой ездят не каж-

дый день, но ездят. Я пошла по ней вправо и через полчаса увидела забор.

Забор был железный, высокий, из листов с гравировкой: по тёмному металлу вился узор, тонкий, как на посуде, и в этом узоре угадывались то ли волны, то ли рыбы. За ним стоял дом: два этажа, широкие окна, тёмные панели, плоская крыша с антенной. Современный, крепкий, дорогой дом, только вокруг него не было ни одного забора соседа, ни одной машины, ни детской площадки, ни столбов с проводами.

Я поискала глазами звонок, нажала. Внутри дома что-то коротко тренькнуло и смолкло. Я постучала в калитку, подождала, постучала ещё раз. Тишина. Я обошла забор по кругу, заглянула в щель, покричала: «Хозяева!» Никто не вышел.

От ворот в сторону леса уходила грунтовая дорога, та самая, которой я шла. Здравый смысл подсказывал, что по ней и надо двигаться, раз дом пуст. Я пошла. Час, другой. Дорога виляла между деревьями, потом вышла на поле, поле кончилось, началось другое поле, за ним снова лес. Ни встречной машины, ни человека, ни дыма над крышей. Один раз мне показалось, что в кустах кто-то ходит, но это был ветер.

Темнеть начало рано и быстро. Оранжевое солнце опустилось к деревьям, стало меньше и краснее, тени вытянулись поперёк дороги. Я посмотрела на телефон: восемнадцать сорок, заряд двадцать процентов. В лесу я не ночую, решила я. В лесу я точно не ночую.

Обратно я почти бежала. Забор и дом вынырнули из су-

мерек неожиданно, окна на первом этаже были тёмные, на втором горел один тусклый прямоугольник, и от этого света у меня в горле стало тесно. Значит, кто-то дома. Значит, я не останусь сегодня на улице, ну по крайней мере я на это сильно рассчитывала.

Я нажала звонок. За забором, в глубине двора, скрипнула дверь, потом зашуршал гравий. Шаги были мелкие и быстрые, будто шёл не взрослый.

В калитке открылось окошко, узкое, на уровне моего лица. За ним покачивался луч фонарика, и в этом луче я разглядела мальчишку лет десяти: стриженого, в куртке на два размера больше. Рука у него была занята фонарём, и держал он его перед собой, как держат палку.

— Вы кто? — спросил он.

Голос у него был хриплый и очень взрослый.

— Я заблудилась, — сказала я. — Шла по дороге, стемнело. Мне бы позвонить, у меня сеть не ловит. И воды, если можно.

Он молчал и смотрел на меня через окошко. Я стояла на гравии в мокром дождевике, с корзиной, в которой лежали две лисички, и, наверное, выглядела как человек, которому можно не открывать.

— Мама не велела открывать чужим, — сказал он наконец.

— А мама дома?

Он не ответил. Луч фонарика опустился на мои сапоги,

потом снова поднялся к лицу. Я услышала, как он дышит через щель, коротко и часто, и поняла, что он боится сильнее, чем я.

— Я не войду, если нельзя, — сказала я. — Позвонить дай, и я пойду.

Он ещё немного постоял. Потом в замке щёлкнуло, калитка открылась на ширину плеча, и мальчишка отступил на шаг, не опуская фонарь.

— Только в доме не шумите, — сказал он. — Там маленький.

Двор оказался больше, чем виделся из-за забора. Качели с цепочками, велосипед под навесом, аккуратно сложенные дрова. На крыльце горела лампа, и в её свете я увидела, что мальчишка босиком.

— Ты почему босиком? — спросила я.

— Торопился, думал мама вернулась, — сказал он и пошёл вперёд.

В доме пахло не уютом и едой, а пылью и старым деревом. В прихожей стояли резиновые сапоги, несколько пар, больших и маленьких, на крючках висели куртки. Я сняла свои и поставила у порога. Мальчишка включил свет на кухне, и я увидела стол, чашки, пустую кастрюлю на плите, початый мешок крупы и три банки консервов, выстроенные в ряд. Мальчишка, не останавливаясь прошёл в гостиную, и я последовала за ним. На диване сидел второй мальчик, маленький, лет шести, в пижаме, и держал перед собой планшет.

— Это Тиш, — сказал старший. — Он не разговаривает с чужими.

— Меня зовут Полина и я заблудилась, поэтому попросила о помощи твоего брата.

Тиш посмотрел на меня и придвинулся ближе к брату.

— Мне бы позвонить, — сказала я. — Где у вас телефон?

Старший показал рукой на прихожую. На стене висела плоская панель, матовое стекло в тёмной рамке, размером с книгу. Я тронула её, и стекло проснулось: по нему поплыли значки, мелкие, аккуратные, и под каждым шла строка. Буквы были ровные и круглые, похожие на письмо, которого я никогда не видела. Ни одной знакомой.

Я ткнула в первый значок. Панель мягко отозвалась и погасила значок обратно. Я ткнула во второй, потом в третий, потом провела пальцем по стеклу, как провожу по своему телефону. Панель терпеливо повторила то же самое.

— Так нельзя, — сказал мальчишка у меня за спиной. — Он чужих не слушает.

— А как?

Он подошёл, приложил к панели ладонь, и стекло сразу стало другим: по нему пошли строчки, цифры, зелёные полосы. Он подержал ладонь, потом убрал.

— Надо, чтобы он тебя знал, — сказал он.

Я стояла перед этой панелью и смотрела на незнакомые буквы. Мой телефон в кармане дождевика не ловил сеть, здесь висел аппарат, в котором я не была зарегистрирована,

и я вдруг поняла, что связаться с родными или друзьями не смогу.

Я подняла глаза и посмотрела в окно. За стеклом, над лесом, висели три луны. Одна большая, желтоватая, а чуть левее две поменьше, одна с серым краем, а другая была видна лишь на половину. Небо вокруг них было чистое, звёздное, и лес стоял под этим светом тихий и чужой.

Я смотрела на них, наверное, целую минуту. Потом обернулась. Оба мальчика смотрели на меня.

— Три луны, — сказала я, но прозвучало это как вопрос, а не как утверждение.

— Ну да, — сказал старший, не понимая почему я так удивлена.

Я села на пуфик в прихожей, потому что ноги стали не мои. Вот оно. Не просто туман, не просто заблудилась и мне не показалось. Я в другом мире. Я не знала, как это произошло и что мне теперь делать.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Ян.

— Ян, подскажи, а когда взрослые придут?

Он сел напротив на табуретку, а Тиш перебрался к нему на колени, и Ян машинально поправил на нём пижамную рубашечку.

— Я не знаю, - и столько горечи прозвучало в его словах, что у меня от нехороших предчувствий сжало сердце.

— А почему так горько говоришь? Что-то случилось? Рас-

скажешь мне? – я присела на корточки прямо перед Яном и посмотрела ему в глаза, которые он отвел.

- Мы жили здесь с мамой и отцами, - ответил Ян после недолгого молчания.

- Отцами? – это были мои мысли, но они вырвались из моих уст и отступать уже было некуда, - и сколько у вас было отцов? – спросила я.

— Четверо, — сказал он. — Все рыбаки. У нас шхуна была, «Тихая». Мы её сами держали.

Он говорил «была» так, будто уже смирился.

— А где они?

— Утонули. — Он смотрел на меня спокойно, и в его лице не было ничего детского. — В шторм. Их семеро было на борту, четверо наших отцов и ещё трое из посёлка. Мы с Тишем на берегу ждали два дня, а потом дядя Хольм пришёл и сказал, что шхуны больше нет.

— А мать?

— Мать ушла. — Он чуть помолчал. — Больше месяца назад. Сказала, что в новой семье мальчики ей не нужны. Что дом ей не принадлежит, и мы ей тоже.

— А еда?

— Её новые мужья привезли, когда забирали вещи, — сказал Ян. — Крупу, консервы, муку. Сказали, что это на первое время.

На первое время. Ян сказал это как что-то настолько обычное, что даже объяснять не надо, и я сидела с этим на

пуфике в чужой прихожей. Отцы этих детей погибли, все четверо, и потом их мать ушла к двум новым мужьям, и никто вокруг, судя по Яну, не собирался помогать этим детям.

Я посмотрела на Тишу. Он сидел у брата на коленях, смотрел на меня и сосал уголок пижамного воротника.

Я не знала, что с этим всем делать, но приняла решение помочь чем смогу этим мальчишкам, а проблемы буду решать по мере их поступления.

В доме стало совсем тихо. Тиш заснул у брата на коленях, уронив голову ему на плечо, а Ян сидел неподвижно, чтобы его не разбудить, и смотрел на меня.

— Вы останетесь? — спросил он и в его голосе просквозила и надежда, и предосторожность, и недоверие.

Я посмотрела на пустую кастрюлю, на три банки в ряд, на трёхлунное небо за окном. Уйти я могла только в лес, ночью, не зная дороги и не зная, куда она ведёт. Остаться я могла только здесь, с двумя детьми, у которых не было никого.

— Хорошо, — сказала я, - если вы не против, то я останусь, - Ян кивнул, а я взяла на руки спящего Тиша, - покажи, где спальня, Тиша нужно уложить.

Я шла за Яном, а сама думала, как смогу помочь им и самое главное, как теперь быть мне. В моем мире по мне особо скучать никто не будет. С родителями я общалась редко и то только по случаю, когда им были нужны деньги, а друзья только на работе и явно тратить свои силы на мои поиски не будут, да и толку от этих поисков, даже если они будут, будет

ноль. Поэтому в этом мире эти мальчишки были мне нужны также как и я им. И надеюсь вместе мы со всем справимся.

Глава 2

Утром я проснулась от того, что в доме кто-то ходил, где-то плеснула вода и зашипела панель на кухне. Я лежала на кровати, и первые несколько секунд не понимала, где я, а потом на меня нахлынули воспоминания вчерашнего дня.

Пока в моей памяти всплывали воспоминания, мозг анализировал обстановку вокруг. В комнате, в которую меня вчера привел Ян, было уютно. Первым делом в глаза бросилась полка, висевшая прямо перед кроватью, на которой стояло несколько рамок. С фотографий на меня смотрели четверо мужчин: первые двое в брезентовых куртках на палубе, третий с сетью через плечо, а четвертый просто сидел на камне и щурился на свет. За ними, чуть в стороне, было ещё одно фото, женщина с двумя мальчиками, и я долго смотрела на её лицо, думая о том, какая же мать могла оставить своих детей и ответ был простой, только та мать, которая является лишь биологическим родителем и любящая только себя, но не детей. В большое окно, расположенное с левой стороны от кровати, лился утренний свет, а значит пришло время вставать, что я и сделала, зайдя в ванну обрадовалась, что из крана полилась вода, правда только холодная, поэтому быстро приведя себя в порядок, я вышла из комнаты.

Ян уже был на кухне. Он стоял у плиты и держал над кастрюлей крышку, а в кастрюле булькала вода с крупой.

— Доброе утро, — сказала я.

Он кивнул не оборачиваясь. Тиш сидел за столом, уже одетый, и болтал ногами.

— Крупы осталось на пару-тройку раз, — сказал Ян. — Есть еще мука. И три консервных банки.

— Понятно, — сказала я и села на табуретку. — Я постараюсь что-нибудь придумать.

После завтрака я решила посчитать остатки, а их было ой как не много: крупы максимум хватит дней на пять, если есть понемногу, муки на столько же. Банки я решила не трогать вовсе: они не портятся, а значит, лежат на самый плохой случай.

— Ты вчера грибы собирала? — спросил Ян, глядя на мою корзину у порога.

— Собирала. Но я не знаю, что из них можно есть здесь. У нас-то другие.

Он подумал немного, потом встал и пошёл в комнату, в которой находились книжные полки. Вернулся он с толстым томом в тёмном переплёте, размером с хороший словарь, и положил его на стол так аккуратно, будто это была посуда.

— Вот, — сказал он. — Здесь всё есть. Грибы, ягоды, коренья. Отцы по ней смотрели, когда сомневались.

Я открыла книгу.

И ничего не смогла прочитать.

Буквы были те же самые, что на панели в прихожей: ровные, круглые, будто нарисованные циркулем. Я водила паль-

цем по строчкам и понимала ровно столько же, сколько поняла бы, глядя на китайскую грамоту. Язык я, выходит, слышала нормально, речь понимала, а вот написанное для меня было недоступным к пониманию.

— Ян. — Я подняла глаза. — Я не умею читать на вашей письменности.

Он посмотрел на меня без удивления.

— Совсем?

— Совсем. Я из другой провинции. У нас другое письмо. — Легенду я придумала ночью, лежа на кровати, и она мне не нравилась, так как была непродуманной и имела много пробелов, но другой у меня не было. — Говорить умею, а читать нет. Так бывает.

Он ещё немного помолчал, а потом сел рядом и придвинул книгу к себе.

— Тогда я буду читать, — сказал он. — А ты пиши. Как умеешь.

Так мы и устроились: он читал, я писала. Я нашла в его тетради чистые листы и записывала в них то, что он описывал, подписывая страницы, чтобы потом узнать. Ян читал медленно, водя пальцем, спотыкаясь на длинных словах, и иногда останавливался и объяснял то, что я не понимала.

— Вот этот, — говорил он, — серый, с каймой снизу. Его берут. А этот похож, но у него кайма сходит на нет, и он горький. Его не берут.

— А как отличить?

— Здесь написано: смотреть под шляпку, там должны быть… — он поискал слово, — жилки, как на листе, а не иголки. Если иголки — не бери.

Я рисовала две шляпки рядом, одну с жилками, другую с иголками, и подписывала: «берём», «не берём». Потом ягоды, потом коренья. У кореньев оказалась своя хитрость: один из них, белый и длинный, похожий на нашу морковь, был съедобен только до первых холодов, а потом в нём что-то накапливалось, и его переставали есть даже звери.

Мы просидели за книгой до полудня. К концу у меня было шесть исписанных листов и голова, набитая, как мешок, но зато я знала, за чем идти.

Тиш пошёл с нами до опушки, а дальше остался ждать вместе с Яном на поваленном стволе, потому что в лес ему было нельзя: так сказал Ян, и Тиш не спорил. Лес встретил меня так же, как вчера, только теперь я смотрела на него иначе. Я видела то, чего вчера не замечала: под деревьями, которые были похожи на берёзы, в мокрой листве сидели серые шляпки с каймой. Сразу много, целыми семьями. Я проверила каждый гриб под шляпкой, и все они были с жилками, а не с иголками, так в корзину пошла первая партия.

Коренья нашлись у ручья, в тени, там, где земля была рыхлой и влажной. Я выкапывала их найденной небольшой лопаткой, которую нашла в сарае. Ягоды висели на низких кустах, тёмно-синие, с восковым налётом, и были такими сладкими, что у меня свело скулы.

Обратно я шла с полной корзиной и с чувством, которое было почти неприличным в моём положении, с чувством гордости.

Вечером мы ели настоящий суп, с кореньями, с грибами, и в него пошла половина банки консервов, потому что без жира это был бы просто постный суп. Тиш съел две порции и заснул прямо за столом.

Я сидела над пустой чашкой, слушала, как Ян укладывает брата, и думала. Грибы можно насушить. Ягоды можно насушить. Коренья продержатся до холодов, а дальше придётся туго. Нужно было еще что-то придумать.

Утром я нашла в сарае снасти. Удочки, крючки в жестяной коробке, сеть с мелкой ячейкой, аккуратно сложенная и подвешенная на гвоздь. Я взяла удочки с сетью и пошла к реке, которая находилась в получасе ходьбы от дома.

Река была в получасе ходьбы, за полем, к морю решила не идти, так как посчитала, что у меня больше шансов поймать рыбу именно там. Река была широкая, медленная, с тёмной водой и низким берегом, поросшим травой. Сначала у меня не получалось ничего: я размахивала удочкой, как метлой, и рыба уходила от моей тени раньше, чем я успевала закинуть, но я быстро научилась стоять неподвижно и не смотреть в воду и через несколько часов у меня было четыре небольшие рыбы, на которые Тиш смотрел как на чудо.

К концу первой недели моего прибывания в этом мире у нас в сарае висели связки сушёных грибов, в жестянке лежа-

ли сушёные ягоды, в углу стоял ящик с кореньями, а на полке лежала рыба, просоленная и разложенная между двумя досками. Немного. Совсем немного, если считать до весны. Но больше, чем было неделю назад.

Я продолжала ходить на рыбалку к реке каждое утро, и вот там, на вторую неделю, я их и увидела.

Трое стояли на другом берегу, у кустов, и не двигались. Я заметила их боковым зрением, когда наклонилась за ведром, и выпрямилась медленно, чтобы не показать, что заметила.

Взяв ведро, я пошла домой спокойным шагом, хотя спина у меня была напряжена от страха.

Через два дня один из них стоял уже на нашей стороне, далеко, у края поля, и смотрел, как мы с Яном вешаем грибы под навесом.

— Не оборачивайся, — сказал Ян тихо. — Я их знаю. Это с зимовья, за рекой. Они у отцов сеть брали и не вернули.

— Сколько их?

— Всегда по-разному.

Больше он ничего не сказал, но с этого дня калитка стала закрываться на все замки, а на ночь Ян стал приносить в прихожую колун.

На четвёртую ночь я проснулась от того, что залаял пёс, который время от времени к нам прибегал. Он лаял коротко, будто предупреждал, потом замолчал. Я лежала и слушала. Ни шагов, ни голосов, только шум ветра и очень далёкий стрекот чего-то механического со стороны забора.

Утром на гравии у калитки я увидела следы от испачканных в глине сапог. Один, чёткий, а рядом второй, смазанный. Пришли, постояли у забора, посмотрели на дом и ушли, и ушли спокойно, так как разведали все, что им нужно, а именно, что двор и дом без охраны, и мужчин в доме нет.

Следующей ночью они пришли снова.

Я не спала. Лежала одетая, слушала и смотрела на потолок. Где-то около третьего часа за забором хрустнуло, и это точно было не от ветра.

Я встала. Тихо, на носках, прошла в кабинет и сняла со стены то, что висело там всё это время и на что я старалась не смотреть: длинный ствол с деревянным ложем, тяжёлый, холодный, пахнущий маслом. Открыв шкаф, где под замком лежали короткие толстые патроны, я взяла несколько штук и положила их в карман. Я не знала, как это заряжается, и понятия не имела, смогу ли использовать данное ружьё. Но в моём мире у отца было такое же, только короче, и я помнила, что делают с ним мужчины на охоте.

Я вышла на крыльцо и подняла ствол. У калитки были слышны шаги и по звуку мужчин было двое или трое.

Я вышла на крыльцо и подняла ствол.

— Стойте там, — сказала я.

Получилось громче, чем я ожидала. За забором замерли.

— Слышь, — сказал голос из темноты, и в нём была улыбка. — Открой, мы не с пустыми руками. Поговорим.

— Уходите.

— Ты одна, — сказал голос уже спокойнее и твёрже. — Мы знаем, что одна. И что мужчин у тебя нет. Открой по-хорошему.

Я не стала отвечать. Я подняла ствол выше, в сторону забора, туда, где чёрная тень перевесилась через верх, и нажала. Грохнуло так, что у меня заложило уши, плечо рвануло назад, а с верхнего края забора полетели искры. С испуганным выкриком, тот кто лез ретировался обратно за забор и больше не предпринимал попыток перелезть через него.

Потом была тишина, потом быстрый, вразнобой, хруст гравия. Они уходили.

— Мы вернёмся! — крикнули из темноты уже издалека.

Я стояла на крыльце, пока не затихло совсем. Потом у меня начали трястись руки, и я села прямо на ступеньку, потому что ноги перестали держать.

За спиной скрипнула дверь. Ян стоял в проёме, босиком, в куртке поверх пижамы, и держал колун двумя руками.

— Ты попала? — спросил он.

— Только в забор.

— Хорошо, — сказал он. — Забор жалко, но хорошо.

Тиш спал. Каким-то образом он не проснулся от шума, и я подумала, что это, наверное, самое лучшее, что случилось за эту ночь.

Утром мы пошли смотреть. В заборе была вмятина, неровная, с рваными краями, а чуть поодаль в траве лежала пуля. Я стояла и смотрела на эту вмятину, и в голове у меня

была одна четкая мысль, в следующий раз я могу не отбиться.

— Их было трое, — сказал Ян. — Значит, придёт пятеро.

— Откуда ты знаешь?

— Они так всегда делали, когда мама здесь была, а отцы утонули, — сказал он, и я опять услышала в его голосе взрослого уставшего человека.

Днём он куда-то ушёл и вернулся часа через два, когда я сушила у огня промокшие сапоги. Он сел напротив, вытащил из-за пазухи свёрток из тряпки, положил на стол и развернул. Внутри были деньги.

— От отцов, — сказал он. — Они на праздники давали, а мы с Тишем не тратили, копили.

Он подтолкнул свёрток ко мне.

— На базаре можно взять мужчин, — сказал он. — Они будут охранять. Так делают.

Я смотрела на этот свёрток и не знала, что сказать. Что на базаре берут мужчин, я уже знала: панель в прихожей показывала новости.

— Ян, а ты знаешь, как там всё устроено? — спросила я.

— Ну да, — сказал он. — Ты приходишь и берёшь. Если мужчины согласны, то подписывается договор найма.

— Ладно, — сказала я. — Придётся идти на базар, ты с Тишем оставайся дома, запрись и никого не впускай, а я вернусь к вечеру и надеюсь с охраной.

Базар был в большом зале, и я не ожидала, что он такой.

Под потолком горели длинные белые панели, вдоль стен шли столы с терминалами, а в середине, за низким барьером, стояли мужчины. Не рядами, как я почему-то представляла, а просто стояли: кто у стены, кто у окна, кто у стула. Их было очень много. Молодые, не очень, разные. Некоторые смотрели на проходящих женщин внимательно и быстро отводили глаза, когда те проходили мимо. Некоторые не смотрели вообще.

Я остановилась в дверях.

— Подскажите, как здесь делать выбор? — сказала я, подойдя к столу регистрации.

За столом сидел человек в тёмном мундире с узором на воротнике. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Впервые? — спросил он.

— Впервые.

— Тогда сначала общая база, — сказал он и повернул ко мне панель. — Выбирайте.

На панели шли строки с именами и цифрами. Я смотрела на цифры и считала в уме, и с каждым новым человеком у меня внутри становилось холоднее. Денег не хватало даже на одного, не говоря уж о двух или трех.

Я пересчитала свёрток ещё раз, при нём, надеясь, что ошиблась. Не ошиблась.

— У меня столько нет, мне нужно минимум двое, а лучше трое, чтобы охранять дом, меня и детей, - сказала я и пригорюнилась.

Человек в мундире не удивился. Он даже не изменил выражения лица.

— Трое, это хорошо, — сказал он. — Трое, это разумно. — Он помолчал, побарабанил пальцами. — Есть социальный контракт, но он подходит только если у вас есть дом и нет мужчин.

— Дом есть, мужчин нет, — сказала я.

- Хорошо, тогда я покажу вам базу, и вы выберете.

- Хорошо, давайте посмотрим.

Он положил передо мной планшет и начал показывать личные дела мужчин, чтобы я могла ознакомится.

— Это Гай. Инженер по системам безопасности. Молчит. Живёт один. Никого не брал и его никто не брал.

Гай стоял у стены, и когда его назвали, посмотрел на меня ровно. Тридцать четыре, светлые волосы, руки в мелких старых шрамах. Он не улыбнулся и не отвёл глаз.

— Беру, — сказала я.

— Ильм. Своя охранная фирма. Тридцать три года.

Своя охранная фирма, это то, что нужно, я посмотрела в зал, Ильм выделялся высоким ростом среди остальных, хотя и Гай тоже был высоким.

— Беру, - сказала я.

— Третий Руд, военная подготовка, на данный момент является городским судьёй.

Сотрудник указал мне на место возле окна. Там сидел мужчина в тёмном, лет тридцати шести, с короткой седой

прядью у виска, и держал в руках бумаги, будто только что их читал, он уловил мой взгляд и долго его удерживал, а потом он перевел взгляд на кто-то за моей спиной и его теплый взгляд стал ледяным.

Я обернулась. В другом конце зала, у двери, стояла женщина в длинном платье, вокруг неё было слишком много мужчин, и она смотрела в сторону Руда, лицо у неё было спокойное, как у человека, который ещё ни разу в жизни не проигрывал. Я еще раз посмотрела на Руда.

— Беру, — сказала я.

Я ткнула в терминал, и он попросил подтвердить. Я подтвердила. Потом ещё раз, и ещё, и на каждый раз терминал вежливо сообщал мне, что я согласна с условиями, которых я не читала, и что могу задать вопросы.

Я не задала ни одного.

Мужчины вышли ко мне из-за барьера, мы встали вчетвером посреди зала, и я вдруг поняла, что не знаю, что говорить, поэтому решила начать с представления.

— Здравствуйте, — сказала я. — Меня зовут Полина. Дома у меня есть двое мальчиков. Если вы согласны пойти со мной, то я с радостью приму вас.

Повисло молчание, и в этом молчании все три пары глаз смотрели на меня как на диковинку. Но потом все трое кивнули мне в знак согласия, а у меня камень с души свалился, так как теперь дом и её с детьми будет кому защищать.

Женщина у двери всё ещё смотрела на нас. Я встретила

её взгляд и в нём было столько злобы, что если бы ею можно было поджигать, то всё здесь уже горело бы огнём.

Мы вышли на улицу. Дул ветер, пахло мокрым камнем и прошедшим дождём, а где-то за домами гудел большой город. Трое мужчин шли за мной, а я шла и думала о том, что у меня в доме крупы на пять дней, ящик кореньев, связка сушёных грибов и надо бы закупится продуктами, раз деньги остались. Единственное у меня был один вопрос, о подписанных социальных контрактах, в которых не поняла ни слова, правда мне кратко объяснили, что я должна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.